

ВРЕМЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ О. МЕССИАНА

В исследовании, посвященном философским и музыкально-теоретическим взглядам крупного европейского композитора XX века О. Мессиана — его «Трактате о ритме, цвете и орнитологии» — дается наиболее отчетливое представление о том, как понимал Мессиян время и ритм в музыке. Музыка есть форма, в которой обнаруживает себя время. Композитор всегда придерживался той точки зрения, согласно которой ритм является изначальным и основным элементом музыки. Понимание ритма, в свою очередь, рождается из осознания проблемы времени.

В своих рассуждениях о времени Мессиян отталкивается от античных мыслителей: «Всякое целое имеет начало, середину и конец» (аксиома Аристотеля). Композитор также ссылается на Фома Аквинского и его трактат «Сумма теологии» в части отношения Времени и Вечности: «Вечность есть вся полная одновременность (совокупность времен), а во времени есть до и после» (Св. Фома — Сумма теологии — «О вечности Бога», раздел 4). Между вечностью и временем нет непосредственной связи, Эвум (бесконечное дление, «веки вечные») становится медиатором между ними — это не до и не после, это состояние дления непосредственно, состоящее из последовательности.

Если принять во внимание существующее положение вещей в науке о времени, то, опираясь на А. Бергсона, Мессиян занимает наиболее актуальную по сей день позицию в этом отношении. Свое философское построение Бергсон начинает с обсуждения ощущений, наших чувств, и этим оно близко любому обостренно чувствующему субъекту — художнику, писателю или композитору. Наличие разных степеней в интенсивности ощущений помогает понять, что такое пространство. Любое ощущение связывается с внутренним усилием; любое усилие выстраивает ряд, который наше сознание истолковывает как непрерывное движение в пространстве. Создается образ внутренней множественности состояний, сосуществующих одновременно, а усилия движутся одно подле другого. Это — пространство внутри нас. Оно однородно. Неразрывно с этим внутренним пространством возникает и длительность ощущений. Последовательность ощущений и создает длительность, которую можно представить как поток мельчайших мгно-

вений, которые может зафиксировать только наше сознание. Их свойством является континуальность, чистая непрерывность. Для того, чтобы быть длительностью, ей нужно состоять из разных по своей природе вещей. Как только начинается счет, так кончается длительность и начинается пространственность. Чтобы уловить явление чистой длительности, в музыке не должно быть никаких повторов, симметрий, ничего такого, что позволило бы нашему сознанию считать и сопоставлять.

Наша природа не дает нам возможности мыслить непрерывность, мы можем схватить лишь последовательный ряд неподвижных мгновений, подобных ряду фотографий, моментально заменяющих одно другое — как в кинематографе. В мышлении всегда возникает точка (мгновение, фотография, кадр) «остановленного времени» и «дыра» (черная граница кадра), тот темный момент, в котором таится «чистая длительность». Для Мессиана «точки» и «дыры» имеют принципиально важное значение. Поэтому мысль о времени должна быть прерывной, а музыка, претендующая на отражение образа Времени, — составлена из кусочков — кадров. Отсюда вытекают две фундаментальные для Мессиана композиторские идеи: вербальный текст с пробелами и музыка с «молчащими» моментами. Роль «незвучащего» в музыке становится принципиально важной, осмысленной и детализированной: это разграниченные, отмеренные паузы, ферматы, генеральные паузы неопределенной длительности. Эта длительность трудна для осознания и переживается мистически.

Обстоятельство, что все сотворенное имеет свой срок, приводит композитора к выводу о совмещении этих сроков друг с другом, об их наложении. За этим стоит образ Жизни как некоего потока, где разные края движутся с разной скоростью и весь он складывается из неравномерно ускоренных течений — лучей, которые сосуществуют в одновременности. Есть время звезд — оно страшно медленное, звезды живут миллионы лет; есть время гор, они живут в процессе складывания геологических эпох, тысячелетиями; есть время человеческое — физиологическое, психологическое; есть время атомов, совсем короткое. Вселенная и человечество живут среди наложения времен. Они также живут среди наложения ритмов. Сущность мира — полиритмия.

Очевидно, что Мессиаан понимает время не столько через гуманитарные, культурные концепции, сколько через биологические и философские. То, как Мессиаан мыслит время, выдает его незаинтересованность в рационально-материалистическом объяснении этого феномена (из его анализа выпадают концепции времени

всех поколений мыслителей Нового времени, от Декарта до Огюста Конта). Тончайшее чутье композитора и мыслителя позволило Мессияну уловить одну из фундаментальных идей всего XX века: овестьественность времени, возможность переживать его как особую энергетическую субстанцию, которой можно управлять. Отдельные стороны мессияновского мира времени и ритма покоятся на новейших представлениях в области физики, астрономии, психологии, философии; они отражают, фокусируют тот новый облик Вселенной, который усилиями ученых сложился за последние десятилетия. Творчество Мессияна послужило могучим толчком для новых поисков: его ученики (П. Булез, К. Штокхаузен, Я. Ксенакис) воспользовались наиболее плодотворными идеями, продолжив создание новой теории времени и ритма.

1. Екимовский В. О. Мессиян: Жизнь и творчество. М., 1987.
2. Зотов А. Ф. Современная западная философия. М., 2001.
3. Канке В. А. Философия. М., 2003.
4. Мелик-Пашаева К. Л. Творчество О. Мессияна. М., 1987.
5. Платон. Тимей. М., 2004.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. 1994.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты, М., 1999.
8. Цареградская Т. В. Время и ритм в творчестве О. Мессияна, М., 2002.
9. Ясперс К. Всемирная история философии. СПб., 2000.

Л. А. Шумихина
Екатеринбург

ТЕМА УНИВЕРСАЛИЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Культурная антропология XX века, располагая огромным эмпирическим материалом, «наработанным» этнографией и археологией, создавшим базу для нового уровня развития, как наука выходит на теоретические исследования. В результате методологический инструментарий культурной антропологии конца XX века становится более теоретическим, что потребовало высокой степени обобщений и обращения в осмыслении культурных процессов к категориальному аппарату философии. В этой научной ситуации интерес к понятию «сущность человека» как важнейшей универсалии культурологического исследования представляется вполне оправданным, более того — закономерным.